

А.А. Баранов^{1, 2}, В.Ю. Альбицкий¹, С.А. Шер¹

¹ Научный центр здоровья детей, Москва, Российская Федерация

² Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, Российская Федерация

³ Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова, Москва

Детская смертность в Императорском Московском воспитательном доме: реальность и мифы

Контактная информация:

Шер Стелла Абельевна, кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник отдела социальной педиатрии ФГБУ «НЦЗД»

Адрес: 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 2, стр. 1, тел.: (915) 438-69-14; e-mail: anastel@mail.ru; embryotox@nczd.ru

Статья поступила: 27.02.2014 г., принята к печати: 14.05.2014 г.

Статья посвящена проблеме детской смертности в Императорском Московском воспитательном доме, созданном 1 сентября 1763 г. по Указу императрицы Екатерины II. Авторы представляют результаты анализа медико-статистических данных и дают не только объективную оценку деятельности медицинской службы Московского воспитательного дома, но и возможность понять, какую роль — позитивную или негативную — играл Дом в сохранении жизни детей. Приведенные данные не согласуются с мифом о том, что Воспитательный дом являлся «фабрикой ангелов». Несмотря на проблему высокой детской смертности в период функционирования Московского воспитательного дома, его врачам удалось сохранить сотни тысяч жизней обреченных на гибель детей. Забота о бедных младенцах, сбережение их жизни сыграло большую роль в развитии медицинской помощи и социального обеспечения детского населения России.

Ключевые слова: Императорский Московский воспитательный дом, младенческая смертность, «фабрика ангелов», сохранение жизни детей.

(Педиатрическая фармакология. 2014; 11 (3): 9–14)

В середине XVIII столетия в России стала очевидной нехватка населения для освоения огромных территорий. Убыль населения во многом была обусловлена высокой детской смертностью, к проблеме которой внимание государственных деятелей привлек М.В. Ломоносов, предложивший ряд мер по охране младенчества, борьбе по снижению болезней новорожденных и смертности среди младенцев. Вопросы сохранения жизни младенцев волновали и выдающегося государственного деятеля И.И. Бецкого, предложившего проект

Воспитательного дома. Первого сентября 1763 г. императрица Екатерина II подписала Манифест об учреждении в Москве «Сиропитального дома» с госпиталем для сохранения жизни в бедности рожденных младенцев и неимущих родильниц, вошедшего в историю как Императорский Московский воспитательный дом, объявленный государственным учреждением. Перед заведением были поставлены такие задачи: «спасать жизнь, укреплять здоровье и образовывать душу благонравную, ибо одно без другого быть не может»¹.

¹ Генеральный план Императорского Воспитательного для приносимых детей дома и госпиталя для бедных родильниц в Москве (1763–1767 гг.). СПб., 1889. С. XXII.

A.A. Baranov^{1, 2}, V.Y. Albitskiy¹, S.A. Sher¹

¹ Scientific Center of Children's Health, Moscow, Russian Federation

² Sechenov First Moscow State Medical University, Russian Federation

³ Pirogov Russian National Medical Research University

Pediatric Mortality at the Moscow Imperial Orphanage: Reality and Myths

The article is dedicated to the issue of pediatric mortality at the Moscow Imperial Orphanage founded on September 1, 1763, by decree of Empress Catherine II. The authors present results of an analysis of medical statistical data and give an objective assessment of the medical service provided by the Moscow Orphanage in order to understand the positive or the negative role of the Orphanage in the preservation of children's lives. The stated data do not confirm a myth of the Orphanage being a "factory of angels". Despite high pediatric mortality observed in the active period of the Moscow Imperial Orphanage, the doctors succeeded in saving hundreds of thousands of the children left for dead. The care of poor infants and preservation of their lives played an important role in the development of medical care and social welfare of the pediatric population of Russia.

Key words: Moscow Imperial Orphanage, infantile mortality, "factory of angels", preservation of children's lives.

(Pediatricheskaya farmakologiya — Pediatric pharmacology. 2014; 11 (3): 9–14)

Достоверные сведения о младенческой смертности в России появились только со второй половины XIX века. По данным академика К. Германа, в стране из 1000 новорожденных мальчиков лишь около 555 достигали шестилетнего возраста [1]. В. Снегирёв (1867) установил, что в России в 1859–1866 гг. среди всех умерших 31,4% составляли дети первого года жизни [2].

В конце XIX — начале XX вв. Россия устойчиво занимала первое место среди европейских стран по уровню детской смертности. По данным П. И. Куркина, изучавшего смертность детей на первом году жизни в европейской части России в период 1867–1911 гг., средние показатели детской смертности составляли 26–27%, при этом в благополучные годы она не опускалась ниже 23–24%, в тяжёлые годы — поднималась до 30% и выше [3].

В период с 1907 по 1911 г. детская смертность в стране была в 2 раза выше, чем в Англии, и в 3 раза выше, чем в Швеции или Норвегии [4].

В связи с этим проблема детской смертности не оставляла безразличными ни врачебную общественность, ни властные структуры.

В Указе Правительствующему Сенату России от 31 мая 1913 г. говорилось, что «наблюдаемая в Империи высокая детская смертность и болезненность детей, особенно в младенческом возрасте, наносит вред Государству, уменьшая население количественно и ослабляя его физические качества» [5].

Анализируя причины громадной детской смертности в России, знаменитый детский врач Н. П. Гундобин (1906) писал: «Только от трех наиболее распространенных болезней, как корь, скарлатина, дифтерит, Петербург теряет каждый год более 2000 детей»². Он также отмечал, что кроме плохого санитарного состояния города и невежества населения «причиной высокой детской смертности в крупных центрах служат теснота и скученность, недостаточная забота об устройстве квартир для бедного класса». Дети погибали в переполненных больницах от дальнейшего распространения инфекций, поэтому Санкт-Петербургскую больницу нередко в печати называли «фабрикой ангелов» [6].

Особенно высокой детская смертность регистрировалась в Воспитательных домах. Этот неоспоримый факт привлекал пристальное внимание как современников, так и последующих историков, изучавших проблему охраны здоровья детей в Имперской России. Фактически четкого, научно обоснованного представления об истинном положении со смертностью младенцев в учреждениях, созданных для сохранения их жизни, не имеется до настоящего времени.

Каковы же были причины высокой смертности среди питомцев Московского воспитательного дома? Анализируя главные причины детской смертности, прежде всего следует отметить, говоря современным языком, антенатальный фактор. Младенцы, принимаемые в Дом, были «сложения слабого, золотушного, истощенного и не содержали в себе жизненной силы». Такой контингент детей представлял собой высокую группу риска по детской заболеваемости

и смертности. Ситуацию усугубляли «отсутствие нравственного спокойствия, боязнь и прочие обстоятельства, под влиянием которых происходило зачатие матери, а иногда и насилие, внутреннее борение и действие скрытой страсти, наконец, сам процесс рождения в бедном сословии без всякого содействия врача...»³.

Вторая важная причина высокой заболеваемости и смертности младенцев заключалась в недостатке кормилиц и, следовательно, в переводе детей на искусственное вскармливание, отрицательная роль которого для детского организма была хорошо известна. С данной проблемой столкнулись уже в 1764 г. — в первый год приема детей в Дом: на 523 ребенка приходилось всего 35 кормилиц. Земский врач Н. Ф. Михайлов указывал на факт «почти постоянного и чувствительного недостатка кормилиц вообще и в частности с хорошим молоком». Дети хронически голодали, так как «никакими премиями и льготами невозможно в летнюю рабочую пору привлечь в Воспитательный дом надлежащего количества кормилиц» [7]. Дефицит кормилиц в той или иной степени сопровождал деятельность Московского воспитательного дома на протяжении всей его истории.

Третья ведущая причина, приводившая к высокому уровню детской заболеваемости и смертности, своим происхождением была обязана огромной скученности питомцев. Первоначально предполагалось, что в Воспитательном доме будет 500 детей, однако в действительности в воспитательных домах Петербурга и Москвы насчитывался «двойной и даже тройной комплект детей против установленной гигиеною нормы»⁴. В грудных отделениях пребывало 1500 и более младенцев с кормилицами, няньками и прочей прислугой. Грудные отделения могли размещать в своих палатах более или менее удовлетворительно только до 900 младенцев, превышение этого числа влекло за собой повышенную заболеваемость и смертность. Все это способствовало быстрому инфицированию младенцев корью, дифтерией, скарлатиной и другими распространенными тогда детскими инфекциями. Следует учитывать и отсутствие в то время должных знаний по этиологии, патогенезу, лечебно-профилактическим мероприятиям инфекционных заболеваний.

Одной из причин неблагополучия в здоровье питомцев являлось отсутствие индивидуального ухода за младенцами в условиях Воспитательного дома.

Важной причиной, оказывавшей крайне негативное влияние на уровень младенческой смертности, был так называемый «питомнический промысел».

Столичные воспитательные дома были переполнены подкинутыми и отказными младенцами, поэтому здоровых малышей, подержав 2–3 недели в приюте, отдавали за плату 3–4 рубля в месяц на воспитание крестьянкам, в основном тем, у кого были коровы. Каждому ребенку выдавали минимальный набор детских вещичек и вешали на шею запломбированную костяную пластинку, где был указан его номер и год, когда его принесли.

² Гундобин Н. П. Детская смертность в России и меры борьбы с нею. СПб. 1906. С. 14.

³ История Воспитательных домов в Петербурге и Москве. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1860. Кн. 2. С. 141–142.

⁴ Гундобин Н. П. Детская смертность в России и меры борьбы с нею. СПб. 1906. 31 с.

Молочный, а следовательно и питомнический промысел был в основном уделом «чухонцев» (так до революции называли эстонцев и карело-финнов, живших в окрестностях Петербурга). Русские крестьяне называли этот промысел «производством ангелов», настолько высока была младенческая смертность.

Среди второстепенных причин, способствующих поддержанию высокого уровня смертности среди питомцев, следует назвать архитектуру самих зданий — массивные, многоэтажные постройки с центральным узким коридором, а также не совсем удовлетворительное санитарно-гигиеническое состояние местности, где располагался Воспитательный дом. Рельеф местности (к построенному в низине Воспитательному дому стекали насыщенные нечистотами почвенные воды из реки Яузы) и находившийся поблизости загрязненный район Москвы (Мясницкая улица с Хитровым рынком и Яузский бульвар с ночлежными домами — одни из самых грязных мест в городе) усугубляли положение, что не могло не отразиться на повышенной заболеваемости и смертности детей [8, 9].

К причинам, способствовавшим повышенной детской заболеваемости и смертности, дореволюционные авторы относили также «суровый русский климат». Зимой, во время сильных морозов, нередко «младенцы при доставке в Воспитательный дом или, наоборот, при перевозке их в деревни для дальнейшего вскармливания оказывались совершенно замерзшими, простужались и спустя несколько дней погибали» [10].

Наиболее значительные, запредельные уровни смертности младенцев отмечались в первые годы функционирования Московского воспитательного дома, когда он еще строился, становился на ноги, а также в экстремальные периоды времени — в годы эпидемий, войн, голода.

В 1764 г., когда только состоялась закладка фундамента первого корпуса Воспитательного дома, детей принимали в здание на Солянке, приспособленное для временного приема незаконнорожденных. Из 523 принятых младенцев 424 умерли, то есть смертность составила 81,1% [11]. Этот высокий показатель стал одним из главных аргументов в создании мифа о том, что императорские воспитательные дома являлись «фабриками ангелов», «морилками», для авторов из дореволюционной России, и учреждениями «циничной» буржуазной благотворительности — для советских историков. Однако, это не соответствовало действительности.

Существовали два разноречивых мнения о воспитательных домах. С нашей точки зрения, эту ситуацию весьма точно выразил М. Соколовский. Одни авторы «отличались пристрастностью взглядов, отзывались о воспитательных домах в России весьма нелестно, другие — чересчур восторженно. «...» Крайние меры не вполне справедливы; они дышат той прямолинейностью взглядов, каковые не могут иметь места в приложении к общественным вопросам. «...» В деятельности воспитательных домов были и темные стороны, безусловно, оправдывавшиеся сложностью самого дела, и светлые, выкупавшие с лихвой недостатки этих домов» [12]. Подтверждением справедливости этих слов является наличие опубликованных в разные годы статей как положительного, так отрица-

тельного, критического содержания о функционировании Московского воспитательного дома.

Цель нашей статьи — попытаться провести анализ медико-статистических данных и дать объективную оценку деятельности медицинской службы Московского воспитательного дома, понять, какую роль — позитивную или негативную — играл Дом в сохранении жизни детей.

Как будет сказано ниже, истинная ситуация не согласуется с мнением отдельных земских врачей и историков медицины о том, что столичные воспитательные дома не справлялись с возложенной на них задачей сохранения жизни младенцев. Зачастую указанные обвинения в адрес воспитательных домов носили явно заказной, идеологический характер. В пользу такого утверждения свидетельствует следующий яркий пример. В книге Э.М. Конюс «Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917–1940)» приводятся данные об уровне смертности детей в Московском воспитательном доме в 1907 г., составлявшем 40%. При этом автор утверждает, что в действительности смертность воспитанников в Доме была в 2 раза выше, и в подтверждение своих слов приводит цифры из публикации главного врача Московского воспитательного дома Н.Ф. Миллера (смертность доходила до 81%), забыв при этом указать, что эти данные касались XVIII века, когда в Москве свирепствовала эпидемия натуральной оспы, и еще не были построены корпуса Воспитательного дома [13].

Кроме того, Э.М. Конюс пишет, что многие исследователи оспаривали официальные данные по смертности в воспитательных домах. Она ссылается на земских врачей Михайлова, Зачека, Радулевича, которые, с ее слов, сообщали в своих докладах на Пироговских съездах, что смертность в Московском воспитательном доме доходила до 80%, то есть превосходила цифры официальных отчетов вдвое.

Мы нашли работу Н.Ф. Михайлова и убедились в некотором несоответствии данных, приведенных Э.М. Конюс. По сведениям Н.Ф. Михайлова, работавшего в Рузском уезде Московской губернии, в Московском воспитательном доме в 1877–1879 гг. смертность составляла 40%. А вот действительно чрезвычайно высокий уровень смертности (88%) регистрировался у детей с врожденным сифилисом, составлявших 3,5% контингента воспитанников [7].

Наши исследования медицинских отчетов Московского воспитательного дома за тот же период 1877–1879 гг. показали, что в 1877 г. смертность составляла 20,8%, в 1878 г. — 23,4%, в 1879 г. — 28,6% [14]. Хотим заметить, что данные Н.Ф. Михайлова также не совсем точно отражают показатели смертности среди питомцев в указанный период времени.

Другой автор И.М. Радецкий (1894), критически отзываясь о деятельности воспитательных домов, приводит показатели смертности детей, которые действительно были ужасающими в первые годы функционирования учреждений, но он не указывает, что в это время была эпидемия натуральной оспы. Автор подчеркивал, что за 100 лет со времени открытия Московского воспитательного дома в нем умерло 116505 младенцев. Однако, если учесть, что за эти годы было принято 468987 детей, то относительная величина составит

24,8%, то есть в пределах средней величины детской смертности по стране.

И. М. Радецкий указывал также, что летом 1888 г. смертность детей в Московском воспитательном доме дошла до 60% [15]. Однако летние скачки младенческой смертности были известным фактом в России, особенно в сельской местности, где большинство крестьянок в период полевых работ вынужденно отнимали детей от груди (А. А. Баранов, В. Ю. Альбицкий, 2009) [2].

Анализ медицинского отчета Московского воспитательного дома за 1888 г. показал, что смертность в тот год действительно поднялась до 43,17%, что было связано «как со значительным увеличением приноса детей, постоянным переполнением палат», так и с громадным недостатком кормилиц, который достигал гораздо более высокой цифры, чем в предыдущие годы». Из всех принесенных в тот год детей «1/4 поступили больными, очень слабыми и недоношенными» и «имели все задатки на скорую смерть, так как были нежизнеспособны или одержимы сифилисом». В летние месяцы переполнение отделений было наибольшим, поскольку из-за занятости на сельскохозяйственных работах деревенские кормилицы не брали питомцев: соответственно, раннее введение прикорма часто приводило к развитию тяжелых энтеритов с летальным исходом.

Доктор Н. Н. Гинзбург (1904), изучавший проблемы приречения подкидышей в России, утверждал, что в Московском воспитательном доме из 40 600 принесенных за 33 года детей к началу 1797 г. в живых состояло всего 4711, что составляло 11%, остальные 89% умерли или пропали без вести [16]. Аналогичные данные представлены иностранными авторами J. Russell и R. Cohn (2012), которые приводят цифры чрезвычайно высокой смертности среди младенцев: за годы правления Екатерины II с 1764 по 1797 гг. из 40 996 принятых в Дом детей 35 309, или 87%, умерли [17].

По нашим подсчетам, на основании данных, взятых из медицинских отчетов Московского воспитательного дома, «Материалов для истории Московского воспитательного дома», ведомостей в историческом очерке о Воспитательном доме В. Красуского, статистических

данных доктора В. И. Лебедева, опубликовавшего результаты своих исследований в «Известиях Московской Городской Думы» в 1896 г., эти показатели детской смертности абсолютно не соответствуют действительности. С 1764 по 1797 г. было принято 41 123 ребенка, из них умерло 12 307, или 29,9%, в живых осталось 28 816, или 70,1%.

Таким образом, авторы не совсем корректно говорят об общем высоком уровне детской смертности, а приводят, вероятно, данные о смертности недоношенных младенцев и с сифилисом, не ссылаясь на конкретные медико-статистические показатели. Повторяется миф об экстремальном уровне смертности в Московском воспитательном доме. Истинная картина уровня детской смертности в Императорском Московском воспитательном доме была следующей.

Уже в 1771–1773 гг., когда в Москве свирепствовала эпидемия чумы, и питомцы размещались в первых выстроенных зданиях Воспитательного дома, ни один ребенок от чумы не умер. Младенческая смертность в эти годы составляла 40–45%. Через десять лет после открытия Дома, в 1774 г., смертность составила 24,5%. Во время Отечественной войны 1812 г. показатели детской смертности были повышены до 54,2%, а вновь их удалось снизить лишь к 1821 г. — до 25,7% [18, 19].

По данным главного доктора Московского воспитательного дома А. И. Блументаля, с 1829 по 1856 г. смертность грудных детей колебалась от 19,3 до 22,8%.

В 1857 г. в Московском воспитательном доме отмечалось повышение смертности среди грудных детей до 32,1%. Высокую смертность А. И. Блументаль объяснял «убийственным» для грудных детей Воспитательного дома недостатком кормилиц, достигшим «ужасной» цифры — 499 — в тот год. Это означало, что «998 детей подверглись последствиям недостатка питания». Вдумчивый и анализирующий доктор А. И. Блументаль отмечал в Московском воспитательном доме значительные колебания детской смертности, поэтому об этих показателях нельзя судить по какому-либо одному году или месяцу. Согласно его анализу, смертность детей в Императорском Московском воспитательном доме в среднем всего на 6–8% превосходила среднюю смертность законных детей в Москве [20].

Указанные цифры не противоречат результатам нашего анализа, представленного в табл. 1, из которого следует, что во второй половине XIX столетия младенческая смертность в Московском воспитательном доме была в среднем только на 5–8% выше, чем в целом по России.

Прослеживая динамику показателей смертности среди питомцев Московского воспитательного дома со времени его открытия до 1914 г., можно четко увидеть тенденцию к ее снижению, несмотря на отдельные пики в неблагоприятные периоды времени (рис.).

Результаты наших исследований продемонстрировали, что за время своего полуторавекового функционирования (с 1764 по 1914 г.; не удалось найти медицинские отчеты за 1915–1917 гг., а скорее всего, их и не составляли) Императорский Московский воспитательный дом принял более 1 000 000 детей и сохранил жизнь почти 800 000, что составило 71,9% (табл. 2).

Рис. Динамика показателей смертности (%) среди питомцев Московского воспитательного дома за период с 1764 по 1914 г.

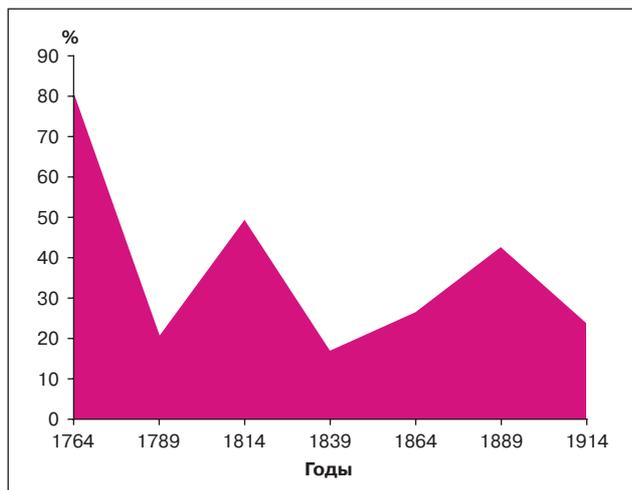

Таблица 1. Младенческая смертность в Российской империи и Императорском Московском воспитательном доме

Год	Российская империя (на 100 родившихся живыми) ⁵	Московский воспитательный дом (на 100 принесенных в Дом) ⁶
1867	24,3	30,6
1868	29,9	30,2
1869	27,5	26,5
1870	24,8	26,9
1871	27,4	22,5
1872	29,5	24,5
1873	26,2	27,2
1874	26,2	22,9
1875	26,6	28,1
1876	27,8	27,9
1877	26,0	22,3
...
1880	28,6	23,5
1881	25,2	22,9
1882	30,1	29,0
1883	28,4	29,1
1884	25,4	28,1
1885	27,0	21,0
1886	24,8	31,4
1887	25,6	37,4
1888	25,0	43,2
1889	27,5	44,8

Таблица 2. Количество принятых, умерших и выживших в Московском воспитательном доме питомцев (1764–1914)

Годы по десятилетиям	Принято детей	Умерло детей	Смертность по десятилетиям (%)	Число сохраненных детских жизней
1774	9457	5217	55,2	4240
1784	12 537	2368	18,9	10 169
1794	13 442	2946	21,9	10 496
1804	21 074	4887	23,2	16 186
1814	30 617	11 452	37,4	29 165
1824	39 179	15 889	40,5	23 290
1834	56 877	10 305	18,1	46 572
1844	71 709	13 745	19,2	57 964
1854	90 184	22 571	25,0	67 613
1864	123 484	30 308	24,5	93 176
1874	114 357	30 901	27,0	83 456
1884	132 106	34 391	25,9	97 715
1894	150 482	50 490	33,5	99 992
1904	114 063	43 399	38,0	70 664
1914	121 565	41 212	34,4	80 353
Итого:	1 101 133	320 081	?	791 351

⁵ Баранов А.А., Альбицкий В.Ю. Смертность детского населения России (Тенденции, причины и пути снижения). Вып. 9. Серия «Социальная педиатрия». М.: Союз педиатров России. 2009. С. 55.

⁶ Красуский В. Краткий исторический очерк Императорского Московского воспитательного дома. 1878. М.: Типография В.Я. Барбей. С. 70–73.

Другой важной проблемой, стоявшей перед врачами Воспитательного дома, являлась высокая младенческая смертность среди сельских питомцев, однако, это тема отдельного исследования.

Таким образом, приведенные данные не согласуются с мифом о том, что столичные воспитательные дома являлись «фабриками ангелов». Это определение можно назвать эмоциональным выражением для дореволюционных авторов и идеологическим — для советских.

Несмотря на проблему высокой детской смертности на протяжении всего времени функционирования Императорского Московского воспитательного дома,

его врачам и другим сотрудникам удалось сохранить сотни тысяч жизней обреченных на гибель детей. Следовательно, следует признать ошибочным мнение о несостоятельности деятельности Московского воспитательного дома. Невзирая на недостатки в его работе, критику за высокую детскую смертность, отсутствие семейного характера в призрении сирот, «питомнический промысел» в сельских округах, следует признать, что забота о бедных младенцах, сбережение их жизни сыграло большую роль в развитии медицинской помощи и социального обеспечения детского населения России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альбицкий В. Ю. Младенческая смертность в дореволюционной России. *Нижегородский медицинский журнал*. 1994; 3: 131–135.
2. Баранов А. А., Альбицкий В. Ю. Смертность детского населения России (тенденции, причины и пути снижения). Вып. 3. М.: *Союз педиатров России*. 2009. С. 53–54.
3. Куркин П. И. Смертность грудных детей. М.: *Издательство Наркомздрава*. 1925. 60 с.
4. Антонов А. Н. Смертность грудных и малых детей, ее причины и меры борьбы. Л.-М. *Государственное медицинское издательство*. 1931. 255 с.
5. Устинов А. Н. Первая мысль в России о сохранении рождающихся (Историческая справка). Охрана материнства и младенчества. Петроград: *Издание Всероссийского Попечительства об охране материнства и младенчества*. 1916; 3: 22–27.
6. Гундобин Н. П. Детская смертность в России и меры борьбы с нею. СПб. 1906. 31 с.
7. Михайлов Н. Ф. Общая характеристика деятельности наших воспитательных домов. М.: *Товарищество «Печатня С. П. Яковлева»*. 1887. 21 с.
8. Московский воспитательный дом в современном его положении. *Вестник благотворительности*. 1898; 12: 66–77.
9. Скворцов И. О болезненности и смертности детей в Императорском Московском воспитательном доме. Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике, издаваемый Медицинским департаментом. СПб. 1876; 2: 135–147.
10. История Воспитательных домов в Петербурге и Москве. В кн.: «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете». Кн. 2. М.: *Университетская типография*. 1860. С. 93–160.
11. Материалы для истории Императорского Московского воспитательного дома. Выпуск 1 (3). М.: *Типография штаба Московского военного округа*. 1914. 261 с.
12. Соколовский М. Екатерина Великая как благотворительница (Историко-экономический этюд). СПб.: *Вестник благотворительности*. 1902; 2: 13–39.
13. Конюс Э. М. Пути развития советской ОММ (1917–1940). М. 1954. С. 13–14.
14. Отчеты по Императорскому Московскому воспитательному дому за 1879 г. М.: *Типография быв. А. В. Кудрявцевой*. 1880. 41 с.
15. Радецкий И. М. Брошенные дети (Материалы к вопросу о подкидышах). СПб. 1894. 53 с.
16. Гинзбург Н. Н. Призрение подкидышей в России (опыт историко-критической оценки). Из журнала «Трудовая помощь», апрель–июнь 1904 г. СПб. 1904. 83 с.
17. Russell J., Cohn R. Moscow Orphanage. *Edinburg, Scotland, United Kindom: Lennex Corp*. 2012. 101 p.
18. Красуский В. Краткий исторический очерк. М.: *Типография В. Я. Барбей*. 1878. С. 239.
19. Альбицкий В. Ю., Баранов А. А., Шер С. А. История Научного центра здоровья детей Российской академии медицинских наук (1763–2013). М.: *ПедиатрЪ*. 2013. 468 с.
20. Блументаль А. И. О смертности грудных детей в Императорском Московском воспитательном доме (Из Московской медицинской газеты № 21–22, 1859). М.: *Типография Каткова и Ко*. 1859. 32 с.